

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*(К методологии изучения истории бесписьменных народов) **

Несколько десятилетий тому назад доклад на данную тему необходимо было бы начать с аргументации положения о том, что каждый народ, независимо от уровня его развития, имеет свою длительную и сложную историю, что деление народов на исторические и неисторические глубоко неверно. На современном этапе нашей науки в этом нет нужды.

Письменные источники по истории огромного большинства народов земного шара отсутствуют или относятся к очень позднему времени. Но от этого их историческое прошлое не становится менее сложным и богатым событиями. Однако в истории бесписьменных народов еще много огромных пробелов, которые должны быть восполнены, без чего невозможно воссоздание подлинной истории всего человечества.

Эти вопросы приобретают особую актуальность в наше время, когда многие бесписьменные народы Азии и Африки в результате упорной борьбы вступили на путь независимости. Развитие национального самосознания всегда способствует пробуждению в народе глубокого интереса к своему историческому прошлому.

При отсутствии памятников письменности источниками для реконструкции истории того или другого народа могут служить данные различных дисциплин: археологии, этнографии, языкознания, этнической антропологии. Не касаясь в докладе археологических и лингвистических вопросов, мы рассмотрим принципы использования этнографических и антропологических материалов в качестве исторического источника, привлекая преимущественно данные из области, наиболее близкой моим научным интересам, — этнографии и антропологии народов Сибири.

* * *

Этнографическая наука в прошлом уделяла недостаточно внимания вопросам конкретной истории отдельных народов, а некоторые школы и направления принципиально игнорировали этот круг проблем. Эволюционная школа в этнографии, составившая важный и прогрессивный этап в истории нашей науки, фиксировала свое внимание на вопросах развития человеческой культуры в целом и отдельных ее элементов, абстрагируясь, как правило, от этнической принадлежности носителей

* Доклад, зачитанный на VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже (июль — август 1960 г.).

того или другого явления культуры, оставляя в стороне конкретную историю того общества, в котором данный элемент бытует.

Если в исследованиях представителей эволюционной школы такой подход был продиктован принятым ими методом изучения, то в работах так называемой культурно-исторической школы игнорирование не только конкретной истории народа, но и самого понятия об этносе покоится на общих методологических установках этой школы. Для Гребнера и его исследователей «культура» — особая субстанция, не связанная с народом.

Собственно исторические проблемы обходятся и в работах диффузионистской школы, которая видит едва ли не единственную задачу этнографического исследования в прослеживании путей распространения отдельных элементов культуры из центров их возникновения. Мы должны оценить как антиисторические и взгляды сторонников функциональной школы, и воззрения тех американских этнографов, которые заняты конструированием «моделей культуры»; приверженцы этих направлений не ставят своей задачей изучение конкретной истории народов.

Конечно, мы знаем немало старых и новых этнографических трудов, ценных и важных как источники по истории бесписьменных народов. Независимо от того, ставили или не ставили перед собой авторы этнографических исследований проблемы исторического характера, труды крупных ученых всегда в той или иной мере служили их решению. Достаточно вспомнить работы Моргана об ирокезах, Боаса и Свантона о других группах американских индейцев, исследования Ривера о меланезийцах, Штернберга и Богораза о народах Сибири, Биркет-Смита об эскимосах, чтобы убедиться в справедливости сказанного. Но все же приходится признать, что проблемы конкретной истории бесписьменных народов крайне недостаточно разрабатывались и разрабатываются на основе этнографических материалов.

Успешная разработка этих проблем возможна только с определенных методологических позиций. Только при условии, что мы признаем общую линию поступательного движения народов по пути прогресса, признаем наличие общих закономерностей в развитии человеческого общества, мы можем ставить себе задачу исследовать историю народа по тем явлениям, которые отразились в его материальной и духовной культуре. Это дает нам возможность определения относительной хронологии этих явлений — первый и необходимый шаг к использованию этнографических материалов в качестве исторического источника. Но это только первый шаг, так как необходимым условием исторического исследования является определение абсолютной датировки.

Советская школа видит в культуре того или другого народа выражение определенного этапа развития общества, что ни в какой мере не исключает, а, наоборот, требует глубокого изучения конкретной истории сложения этой культуры, происхождения отдельных ее элементов¹. Отвергая построения культурно-исторической школы и тех направлений в этнографии, которые видят основной фактор истории в миграциях и диффузии отдельных элементов культуры, советская этнография рассматривает миграции и заимствования культурных ценностей в связи с историей тех народов, в культуре которых данное явление прослеживается. Внутренние закономерности развития таких явлений в жизни народа, как заимствование тех или иных культурных достижений от других народов, смешение и миграции, — не независимые друг от друга, а взаимосвязанные процессы. Заимствование — не простой механический акт, оно протекает очень различно, в зависимости от уровня развития

¹ Основные методологические положения советской этнографической школы изложены в работах: С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4; его же, В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Сов. этнография», 1949, № 1.

как того, кто заимствует, так и того, от кого заимствуется. Вспомним хотя бы результаты первых контактов австралийцев и полинезийцев с европейцами: полинезийцы, стоявшие на сравнительно высоком уровне развития, знакомые, по-видимому, в прошлом с металлами, быстро заимствовали технику обработки железа, тогда как австралийцы ограничивались использованием стекла от оставляемых европейцами битых бутылок для изготовления наконечников копий в той же технике, какой они обрабатывали камень. Диффузия отдельных элементов культуры — распространение материальных предметов, как и явлений духовной культуры, очень тесно связано и с уровнем культуры, и с направлением хозяйства, и с социальным строем воспринимающих и передающих их коллективов. Вряд ли есть надобность доказывать, что миграции имеют различный характер, различные причины и последствия в зависимости от тех же факторов.

* * *

Каковы источники и приемы использования этнографических материалов для воссоздания истории народа? Как известно, для этого всегда широко использовались и используются различные предания, повествования о «прародине», о происхождении того или другого народа, о взаимоотношениях его с другими народами, о переселениях предков и т. п. Мы знаем, что в ряде случаев эти фольклорные материалы доставляют ценные и заслуживающие доверия сведения. Мы не будем приводить всем хорошо известные данные о полинезийцах и некоторых других народах, прошлое которых нашло более или менее реальное отражение в их этнографических легендах. Однако при интерпретации сюжетов фольклора следует всегда помнить о том, что этногонические предания несут в себе нередко и значительную долю вымысла, значительный элемент позднейших наслоений, а иногда и влияний фольклора других народов. Особую осторожность следует проявлять по отношению к рисункой в преданиях последовательности событий, к реконструкции по этим преданиям реальных условий жизни народа в разные эпохи. Известно, что нередко археологические памятники, бесспорно принадлежащие предкам данного народа, приписываются древнему чуждому населению и наоборот.

Важным источником для изучения этнической истории некоторых народов являются данные о родовых и племенных делениях. Приведем в качестве примера некоторые племенные и родовые названия алтайцев. Наличие у современных южных алтайцев и тувинцев таких племенных наименований, как теленгит, телес, телеут, телек, имеющих в своей основе этноним «теле», служит указанием на то, что в формировании алтайцев и тувинцев приняли участие группы, входившие в состав объединения Теле китайских летописей. Процесс этот должен быть отнесен к VI—VII вв. н. э. Наличие среди алтайцев сеоков найман и кыпчак является отражением событий более позднего времени, когда найманы и кыпчаки распространили свое господство на Алтай (XII в.). Появление у южных алтайцев сеоков чорос, тербет, тумат связано с вхождением их в XVII—XVIII вв. в состав западномонгольского ойратского государства, именуемого также Джунгарией². Можно было бы привести и многие другие примеры из области генеонимики. В работах советских исследователей эти данные широко использовались при решении вопросов этногенеза народов Средней Азии, Сибири и др.³

² См. Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Изд-во АН СССР, 1953.

³ См. Т. А. Жданко, *Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и население в XIX—начале XX в.*, Тр. Ин-та этнографии, Новая серия, т. IX, 1950; Р. Кузеев, *Очерки исторической этнографии башкир*, ч. I (Родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.), Уфа, 1957.

Наиболее сложно, но вместе с тем и весьма перспективно использование в качестве исторического источника этнографических данных из области материальной и духовной культуры народов⁴. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, который на всех этапах развития этнографической науки занимал важное место,— с вопросом о причинах сходства и различия в культуре разных народов, стоящих на более или менее одинаковом уровне социально-экономического развития.

В процессе изучения этого вопроса в советской этнографии было выработано понятие о хозяйственно-культурных типах. Хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях. Мы говорим именно о хозяйственно-культурных, а не просто о хозяйственных типах, так как направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяют особенности культуры народов — типы их поселений и жилищ, средств передвижения, пищи и утвари, одежды и т. п. Речь идет об исторически сложившихся чертах хозяйства и культуры, потому что к одному хозяйственно-культурному типу могут быть отнесены только народы, характеризующиеся близким уровнем развития производительных сил. В ходе истории постепенно изменяется как этот уровень, так и характер влияния на хозяйство и культуру народов окружающей их естественно-географической среды. Вследствие этого и сами хозяйственно-культурные типы не могут не претерпевать с течением времени существенных изменений. Изменения эти могут быть настолько глубокими, что на месте одного хозяйственно-культурного типа зачастую возникает и развивается у тех же самых народов и в той же географической среде совершенно другой тип.

Хозяйственно-культурные типы, выделяемые у народов в разных частях земного шара, имеют различный исторический возраст. Некоторые из них мы можем датировать не только относительно, но и абсолютно, для других — это дело дальнейших исследований⁵.

У народов Северной Сибири к моменту социалистической реконструкции их хозяйства можно выделить несколько хозяйственно-культурных типов. Анализ материалов позволяет проследить их историко-хронологическое соотношение. В качестве древнейшего на территории Сибири мы рассматриваем хозяйственно-культурный тип охотников и рыболовов тайги. Он характеризуется отсутствием выраженной специализации в направлении хозяйства: охота на мясного зверя совмещается с рыболовством, роль которого велика. Упряжное собаководство и оленеводство еще отсутствуют. Этот тип восходит, по-видимому, к древнейшим этапам заселения Сибири человеком, развивается в неолитическое время, продолжает существовать в северных районах на протяжении последующих эпох и сохраняется у отдельных народов почти до наших дней. От этого типа линии развития идут в разных направлениях. В бассейнах крупных рек Сибири, богатых рыбой, возник и развился в неолитическое время хозяйственно-культурный тип оседлых рыболовов, экономической основой которого было рыболовство. С этим типом связано упряжное собаководство, которое, как мы пытались доказать в специальной работе, возникло из более древнего способа использования собаки в помощь охотнику для перевозки скарба в ручной нарте — способа, характерного для охотников и рыболовов тайги.

⁴ См. С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3.

⁵ С. П. Толстов, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, Этнография и современность, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы), «Сов. этнография», 1955, № 4.

В специфических условиях арктического побережья, богатого морским зверем, выработался, на основе того же древнего типа охотников и рыболовов, еще один хозяйственно-культурный тип — арктических охотников на морских животных. Упряжное собаководство возникло и развилось здесь, по-видимому, независимо; возможность прокормить значительное количество собак позволила развить этот вид сухопутного транспорта. Археологические материалы дают возможность проследить рассматриваемый тип в его развитом виде по меньшей мере за несколько веков до нашей эры, но восходит он, как можно предполагать, к значительно более древнему времени.

Распространение оленеводства привело к развитию на основе древнего же типа (таежных охотников и рыболовов) нового хозяйственно-культурного типа — таежных охотников-оленьеводов. Мы не располагаем сейчас достаточными данными для определения времени возникновения оленеводства, но можно с достаточным основанием утверждать, что это явление сравнительно позднее, относящееся уже к железному веку. Оленеводство возникло под влиянием коневодства, и распространение его по Сибири было связано, по-видимому, с одной стороны, с движением тунгусоязычных племен из Забайкалья и верховьев Амура, с другой — с миграцией самодоязычных групп из Алтае-Саянского нагорья. В тайге олень использовался преимущественно для транспорта, под выюк и как верховое животное. Сложение иного хозяйственно-культурного типа — оленьеводов тундры, в котором олень является не столько транспортным животным, сколько основным источником существования, и для которого характерен нартово-упряжной транспорт, относится к более позднему времени, вероятно, уже к началу II тысячелетия нашей эры⁶.

Мы привели материалы по Северной Сибири в качестве примера, чтобы показать, что изучение хозяйственно-культурных типов может помочь не только определить последовательность отдельных хозяйственных и культурных комплексов, но в ряде случаев и решить вопросы об их абсолютной хронологии. А это открывает возможность датировать и различные компоненты в культуре отдельных народов и тем самым — различные этапы их этнической истории.

В материальной и духовной культуре народа отражена его история. Прочсть ту или иную страницу этой истории — дело конкретное исследования в каждом отдельном случае. Приведем лишь несколько примеров такого использования этнографических фактов. Исследователям этнографии Сибири известна сложность проблемы происхождения кетов. В этнографическом материале мы находим убедительные свидетельства их южных связей. Так, летний распашной халат и зимняя шуба кетов по покрою сходны с халатом центральноазиатских народов; их чум по конструктивным особенностям отличается от чума соседних с ними народов, а некоторые детали конструкции остова чума и названия его частей сближают его с жилищем народов Алтае-Саянского нагорья — алтайцев и тувинцев; техника кузнечного дела у кетов по приемам и употребляемым орудиям весьма близка к кузнечной технике шорцев. В связи с этим можно вспомнить о работах Г. Рамстедта и К. Доннера, которые отмечали словарные совпадения в кетском и тибетском языках. Наряду с южным компонентом в культуре кетов прослеживается и другой аборигенный пласт, с которым связаны бытовавшая у кетов землянка, их зимняя охотничья одежда и некоторые другие элементы⁷.

Нганасаны — жители полуострова Таймыра — являются самым северным народом Евразии, но и у них прослеживаются древние связи с населе-

⁶ См. М. Г. Levin, Problems of Arctic Ethnology and Ethnogenesis, «Acta Arctica», Fasc. XII, Copenhagen, 1960.

⁷ С. И. Вайнштейн, К вопросу об этногенезе кетов, «Краткие сообщ. Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951.

нием южных областей Сибири. Эти связи, судя по отдельным элементам материальной культуры нганасанов (форма ножа для кройки шкур, с коленчатым изгибом, лапчатые подвески, нагрудные медные пластины, игольники и др.) и некоторым религиозным обрядам (сооружение культовых каменных ворот), восходят к эпохе распространения в Минусинском крае карасукской культуры (около 1200—800 гг. до н. э.). Проникновение элементов этой культуры на Крайний Север по сложным путям, через многие посредствующие звенья относится, несомненно, к значительно более позднему времени. В составе нганасанов этнографический анализ позволил выявить разные компоненты: древнейший — аборигенный, связанный, по-видимому, с юагирами, тунгусский, самодийский⁸.

Рамки доклада не позволяют нам привести другие примеры использования этнографических материалов для решения вопросов этногенеза — примеры, которые можно было бы почерпнуть из работ советских исследователей по разным народам.

Необходимо подчеркнуть, что роль этнографических материалов в качестве исторического источника ни в коей мере не сводится к изучению проблем этногенеза в узком значении этого термина; это не в меньшей степени относится и к выяснению разных, в том числе и поздних, этапов этнической истории народов. Очень многие явления в культуре народов Сибири, например, кажущиеся на первый взгляд «самобытными», на самом деле образовались под русским влиянием. Это относится к некоторым верованиям, обычаям при сватовстве, похоронах и т. п. Даже в таких исконных промыслах народов Сибири, как охота и рыболовство, мы имеем дело с несомненным заимствованием от русских (техника охоты на соболя сетью-обметом, разнообразные лбвушки на песцов, лисиц, зайцев и др.); так называемый восточносибирский тип упряжного собаководства, вытеснивший в XIX—XX вв. все остальные типы собаководства, был первоначально выработан, по-видимому, русскими старожилами Северо-Западной Сибири. Без учета этих и подобных им этнографических фактов многие важные стороны истории народов оказались бы непонятными.

Значение этнографических материалов в качестве исторического источника не ограничивается областью изучения бесписьменных народов: они весьма важны также для воссоздания истории и тех народов, прошлое которых зафиксировано в многочисленных письменных памятниках. Дело в том, что эти памятники повествуют, как правило, только о политических событиях, династиях, войнах и т. п. Быт, нравы, повседневная жизнь трудящихся масс — подлинных творцов истории — отражены в них совершенно недостаточно. Этнографические материалы нередко являются единственным источником, позволяющим ретроспективным путем восполнить этот пробел. Отмечая значение этнографических материалов, мы должны еще раз подчеркнуть необходимость использования данных разных дисциплин для освещения исторического прошлого народов. Сетую на историков за то, что они мало привлекают этнографический материал, мы должны признать, что этнографы в свою очередь обычно недостаточно используют письменные источники. Китайские известия о народах Восточной, Южной и Средней Азии, сведения арабских авторов о народах Африки, португальские и испанские хроники, относящиеся ко времени первого знакомства европейцев с индейцами Центральной и Южной Америки, русские сообщения XVII—XVIII вв. о народах Сибири и многие другие письменные источники содержат не только собственно исторический, но и богатый этнографический материал.

⁸ См. Б. О. Долгих, Обрядовые сооружения нганасанов и энцев, «Краткие общ. Ин-та этнографии», вып. XIII, 1951; его же, Происхождение нганасанов, «Сибирский этнографический сборник», I, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XVIII, 1952.

* * *

Переходим к вопросу об использовании данных антропологии в качестве исторического источника⁹. Мы исходим из бесспорного положения о том, что расовые особенности ни в какой степени не определяют направления исторического процесса, что физический тип никак не влияет на форму и содержание культуры народа. Вся история человечества доказывает правильность этого положения. Но отсюда нельзя сделать вывод, что антропологический тип народа не связан с его историей. Напротив, формирование, распространение, смешение антропологических типов — есть следствие исторических процессов. Изменение территории распространения того или другого типа, изменение антропологического состава населения всегда отражает переселения и смешения конкретных племен и народностей, т. е. процессы этнической истории.

Вследствие того, что для роста производительных сил, для развития культуры антропологические особенности безразличны, антропологический тип населения той или иной территории может сохраняться в течение длительных эпох, на протяжении которых уровень развития, культурный облик и даже язык этого населения неузнаваемо изменяются. Поэтому в ряде случаев только антропологические материалы могут засвидетельствовать наличие или отсутствие миграций в прошлом. Прослеживая распределение антропологических типов в составе различных современных этнических групп, сопоставляя их, при наличии палеоантропологических материалов, с антропологическими типами предшествующих эпох и учитывая закономерности в изменчивости антропологических признаков во времени, антрополог с достаточной определенностью часто отвечает на такие вопросы истории народа, на которые данные других дисциплин бессильны дать ответ (автохтонное или пришлое происхождение группы, направление имевших место переселений, характер смешения различных популяций и др.). Приведем несколько примеров.

Одним из сложнейших вопросов древнейшей истории населения Сибири является вопрос о связях его с населением Восточной Европы. Археологические материалы и данные других дисциплин оказываются недостаточными для его разрешения. Ответ находим в данных антропологии.

Лесная полоса Западной Сибири является областью распространения уральской расы, смешанное происхождение которой признается большинством исследователей: по большинству признаков уральская раса занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной большими расами. Это смешение типов азиатского и европеоидного происхождения восходит, по-видимому, к древнейшим этапам заселения человеком лесистой полосы Западной Сибири и прилегающей территории Восточной Европы, где в течение длительного последующего периода и протекало формирование переходных по своим морфологическим особенностям вариантов. Палеоантропологические материалы указывают на проникновение европейских элементов в эпоху неолита и энеолита на территорию Прибайкалья; далее, к востоку, европеоидная примесь не прослеживается. Эти материалы указывают, с другой стороны, на проникновение, начиная с неолитического времени, монголоидных по типу групп на территорию Восточной Европы.

Еще один пример, относящийся уже к другой области и к более позднему времени: только на основе палеоантропологических материалов мог быть достаточно освещен вопрос о сменах населения на территории Минусинского края, начиная с эпохи распространения афанасьев-

Основные положения проблемы использования антропологических материалов в качестве исторического источника изложены в статье: Г. Ф. Дебец, М. Г. Левин и Т. А. Трофимова, Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза, «Сов. этнография», 1952, № 1.

ской культуры, когда здесь жило европеоидное по своему типу население¹⁰.

Антропологические данные позволяют в некоторых случаях не только осветить вопросы о передвижениях отдельных этнических групп, но и определить характер и следствия этих процессов. Так, анализ данных антропологии позволил сформулировать тезис о том, что происхождение тунгусских народов Сибири следует рассматривать как процесс языковой ассимиляции дотунгусского древнего населения, не сопровождавшийся расселением значительных масс людей, и что, напротив, в формировании тюркской и монгольской групп народов важную роль играли переселения в Сибирь из Центральной Азии¹¹. Число примеров могло бы быть увеличено во много раз.

Использование антропологических материалов в исторических целях требует разработки многих методических вопросов. На пути решения исторических задач антропологу приходится сталкиваться с такими проблемами, как влияние различных условий среды на формирование антропологических признаков, как роль изоляции, значение подвижности разных групп, обусловленной типом их хозяйства; приходится учитывать различия в демографических процессах у народов с разным хозяйственно-бытовым укладом.

Выяснение в каждом конкретном случае вопроса о взаимоотношениях антропологических и лингвистических общностей сопряжено с решением проблемы о путях и времени формирования языковых семей — проблемы, вызывающей и в среде лингвистов, как известно, серьезные дискуссии.

Тот, кому приходится работать в области этнической антропологии, знает, как трудно порою почерпнуть непосредственно из археологической литературы необходимые для интерпретации палеоантропологических материалов сведения. Овладение в равной степени всеми видами источников не под силу специалисту в той или иной области, и естественно, что каждый при разработке вопросов истории бесписьменных народов опирается в первую очередь на материалы своей специальности. Но, исследуя частные вопросы, ограничивая себя определенными этапами этнической истории, опираясь в своих построениях на данные отдельной дисциплины, каждый исследователь должен исходить из широкого понимания исторического процесса в целом, возможно полнее учитывать материалы смежных дисциплин. Только комплексный подход способен уберечь от неоправданных выводов и односторонности, которые могут быть продиктованы исследователю материалами каждой дисциплины в отдельности.

SUMMARY

In the absence of written records, the data provided by different branches of learning may be used as a source for reconstructing the history of different peoples (the data of archeology, ethnography, linguistics, ethnic anthropology, etc.). Thus, in recreating the history of a people, wide recourse is generally made to its legends, telling about its ancient homeland, origin, relations with other peoples, migrations of its ancestors, etc. In many instances this folklore material offers valuable and creditable information. Yet in interpreting folklore motifs one should adopt a critical approach to the sequence of events as presented in the legends and hence to the reconstruction on their basis of the pattern of the people's life at different periods.

¹⁰ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. IV, 1948.

¹¹ См.: М. Г. Левин, Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока, Труды Ин-та этнографии, Новая серия, т. XXXVI, 1958.

An important source for studying the ethnic history of certain peoples are data on their clan and tribal divisions. Soviet researchers make wide recourse to such material in elaborating problems of the ethnic history of the peoples of Central Asia, Siberia, etc.

Especially complicated, though often rewarding, is the use of ethnographic data connected with the material and spiritual culture of different peoples. Here we are confronted by the problem of the reasons accounting for the similarity and dissimilarity in the cultures of different peoples with a more or less equal level of socio-economic development. In studying this problem, Soviet ethnographers have elaborated the concept of economic-cultural types, i. e. the historically emerging patterns of specific economic and cultural features, characteristic of peoples who are approximately on the same level of socio-economic development and live under similar natural conditions.

The economic-cultural types, established among peoples inhabiting different parts of the world, are of different historical age. Some of them can be dated with both relative and absolute accuracy, and this enables us to reconstruct the historical past of these peoples.

Dealing with anthropological material as a historical source, it should be noted that anthropological features have no bearing on the development of productive forces and culture, and the anthropological type of population on a given territory may remain unchanged for long periods. Therefore, in tracing the distribution of anthropological types within different ethnic groups of our time, in comparing them with the anthropological types of preceding epochs and considering the laws guiding the historical variability of anthropological features, anthropologists can often offer definite solutions of such problems in the history of a given people which other branches of learning cannot solve.

In discussing the importance of ethnographical and anthropological material in establishing the historical past of the peoples, one should stress the necessity of using for this purpose the material offered by different fields of research — archeological relics, written sources, linguistic data, etc. Only a comprehensive approach to the problem is proof against unwarranted, one-sided conclusions that may be conceived by a researcher dealing with the data of each branch of learning taken separately.
